

Р. В. СВЕТЛОВ, В. Е. СМОЛЕНКОВ

Бертран Рассел — философ и историк

Бертран Рассел, третий герцог Кингстонский, виконт Амберийский и прочая, прочая... родился 18 мая 1872 г. в Уэльсе, в семье, родословная которой уходит своими корнями в далекое прошлое Британии. Предки философа традиционно принадлежали к вигам; некоторые из них даже безуспешно пытались расшатать трон британской монархии. Родители Рассела исповедовали либерально-прогрессистские воззрения, а его крестным отцом был сам Джон Стюарт Милль — столп европейского либерализма XIX в. Отец и мать Бертрана умерли друг за другом, когда ему еще не исполнилось четырех лет. Бертрана и его старшего брата взял на воспитание дед (кстати, дважды бывший премьер-министром Великобритании). После смерти деда заботу о маленьком Бертрane приняла на себя бабушка, в душе которой либеральные воззрения причудливо переплетались с пуританскими убеждениями, — старая леди была дамой весьма строгих правил. Бабушка пыталась привить Расселу любовь к Богу и, наверное, перевернулась бы в гробу, узнав о бурной биографии внука, о его воинствующем атеизме, четырех браках и призывах к гражданскому неповиновению. Как ни парадоксально, пуританское воспитание дало такие плоды, о которых не могли и помыслить Вольтер, Руссо и Бакунин, вместе взятые.

Рассел получил превосходное домашнее образование и сизмальства проявлял задатки вундеркинда. Его детство в этом смысле напоминало детство Паскаля и Лейбница, не вылезавших из отцовских библиотек. Юный Бертран увлекался математикой, историей и литературой. Только в шестнадцать лет будущий философ оказался в лицее, а в восемнадцать поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета.

Рассел блестяще закончил университет, специализируясь по математике, а затем — философии. Даровитый юноша быстро вошел в круг кембриджской интеллектуальной элиты, к которой в то время принадлежали Брэдли, Мак-Таггарт, Уайтхед и Мур. Любопыт-

ный факт художественного провидения: если читатель откроет издание «Алисы в стране чудес» с каноническими иллюстрациями Джона Тэниела, то изображение «Болванщика» (он же «Безумный шляпник») живо напомнит ему фотографии Бертрана Рассела. Мак-Таггарт, Мур и Рассел получили в Кембридже прозвище — «троица Безумного чаепития».

Рассел успевал абсолютно все, его энергии хватало на десяти-рых — в течение одного года он работал в британском посольстве в Париже, изучал германскую социал-демократию, написал, а затем защитил диссертацию по основам геометрии. Первая книга Рассела — «Германская социал-демократия» — вышла в свет в 1896 г. В 1900 г. он опубликовал исследование, в котором анализировал философию Лейбница, делая акцент на математических идеях немецкого мыслителя.

Для конца XIX и начала XX в. характерны новые веяния в математике, логике и философии. В частности, формируется такое направление, как логицизм, ставивший своей целью сведение математики к логике. Предполагалось, что любое математическое понятие может быть определено через логическое. Австрийский логик и математик Готлиб Фреге одним из первых попытался выразить эту идею. В «Основных законах арифметики» он построил формальную арифметику на основе созданного им метода исчисления предикатов. Рассел живо интересовался этими проблемами, и уже в 1900 г. английский философ обнаружил наличие парадокса в системе Фреге, основывавшейся на классической теории множеств. Фреге определял множество как объем термина, а число — через взаимно-однозначное соответствие множеств. Парадокс был связан с понятием множества и его элементов: существует ли множество всех множеств, не содержащих себя в качестве своих элементов? Как бы мы ни ответили на этот вопрос, мы приходим к противоречию.

Критерий истинности в математике и логике — непротиворечивость, поэтому ситуация для Фреге оказалась трагической (он работал уже над вторым томом своих исследований). Для преодоления парадоксов подобного рода Рассел выдвинул свою «теорию типов». Согласно последней, множества образуют иерархию в зависимости от их типа (тип множества на единицу больше типа его элементов) и запрещают образование понятий вида «множество всех множеств». Рассел также ввел определенные ограничения в логику предикатов. Это позволило мыслить парадоксы, связанные с самоотнесением, причем и логические, и семантические, например, парадокс лжеца (лжец говорит: «Я лгу»). Истинно ли его высказывание?.

Рассел предложил свои исследования в книге «Принципы математики» (1903), а в 1910–1913 гг. вместе с Альфредом Норттоном

Уайтхедом опубликовал три тома «Principia Mathematica». Эти книги сыграли существенную роль в развитии логики, несмотря на то что в последующие годы была доказана неосуществимость логицистской программы.

Другим достижением Рассела периода «Principia Mathematica» была его теория дескрипций (описаний), которая возникла в контексте общего понимания философии как аналитической дескрипции, как логического анализа языка. Этот анализ должен был позволить избавиться от двусмысленностей и парадоксов, а также устранить бессмысленные предложения. Рассел строго разделил собственные имена, обозначающие единичные объекты, и описания, указывающие на свойства объектов. Философ выявил логические трудности, связанные с использованием дескрипций (например, к высказыванию «нынешний король Франции лыс» нельзя применить закон исключенного третьего), а также выдвинул методы анализа дескрипций. Последние в его теории не имеют того же логического статуса, что и собственные имена. Дескрипции — это «неполные символы», их значение определено только в некотором контексте. Наконец, Рассел применил свою теорию дескрипций к анализу понятия существования.

Теория познания британского философа развивалась в единстве с его логическими концепциями: Бертран Рассел подразделяет знание на два вида: «знание по знакомству» и «знание по описанию». Подобное подразделение следует британской эмпирической традиции, в частности — философии Локка. Первый тип основан на непосредственном знании, к нему относятся «чувственные данные» и «универсалии». «Знание по описанию» же является опосредованным, в логике ему соответствуют определенные дескрипции. Основной принцип анализа состоит, по Расселу, в редукции, в сведении сложного к составляющим, которые известны нам непосредственно.

В дальнейшем философ будет исходить из точки зрения, называемой «нейтральным монизмом», полагая, что материя и дух — это логические конструкции, чьи элементы могут просто совпадать, разделение же их имеет чисто условный характер. Понятно, что «нейтральный монизм» по сути не противоречит концепции дескрипций «раннего» Рассела.

В 1912 г. наш автор познакомился с австрийским философом Людвигом Витгенштейном, тогда еще студентом Тринити-колледжа. В ходе совместных дискуссий и последующей переписки они создали теорию (в двух вариантах), которая получит название логического атомизма. Последний будет основой философии логического анализа и всей аналитической философии того периода.

Как это ясно из сказанного выше, Рассел отверг монистическую философию гегелевского типа, которая исходила из того, что истин-

но только целое, или единство, а единичное обладает бытием и истинностью лишь вследствие своей причастности целому. Рассел отрицал спекулятивную философию и обосновывал плюралистическую точку зрения: «Философские суждения касаются не совокупности вещей в целом, но каждой вещи в отдельности».

В логическом анализе мы добираемся до элементов — логических атомов или атомарных пропозиций. Им соответствуют атомарные факты, то есть нечто обладает некоторым свойством, или же существует некоторое отношение. Из атомарных пропозиций при помощи логических союзов образуются молекулярные пропозиции, являющиеся функциями истинности атомарных. Таким образом строится логическое исчисление — идеальный, строгий язык, лишенный недостатков языка обыденного.

В годы Первой мировой войны философ выступил с пацифистскими лозунгами, за что в 1918 г. его изгнали из Кембриджа и посадили на полгода в тюрьму, где он написал свою книгу «Введение в математическую философию». Рассел с интересом и одобрением воспринял революцию в России. В 1920 г. он побывал в Москве и Петрограде. В столице Советской России философ беседовал с Лениным и остался доволен встречей. Поездка и впечатления от этой беседы легли в основу книг «Практика и теория большевизма» (1920) и «Большевизм и Запад» (1924). Здесь Рассел критиковал тоталитарные тенденции в управлении большевиками государством, но не отрицал саму идею социализма. Тогда же философ отправился в Китай и целый год преподавал в Пекинском университете, а затем — в Японию, где до сих пор вспоминают его выступления.

В 1927 г. Рассел и его вторая жена открыли в Англии школу, основанную на прогрессистских методах преподавания.

В двадцатые — тридцатые годы Рассел написал множество философских и научных книг специального и популярного характера. Среди них — «Анализ материи», «Анализ духа», «Почему я не христианин», «Власть» и т. д. В 1938 г. философ приезжал в Америку, где около года преподавал в университете Нью-Йорка. Однако его преподавание привело к скандалу: Рассела изгнали с кафедры, причем обвинения в его адрес совпали с теми, которые были некогда выдвинуты против Сократа: отрицание религии, подрыв моральных устоев, всестороннее развращение молодежи.

Тем не менее вплоть до 1944 г. философ читал курсы в различных университетах США. В этот период он издал книгу «Исследование значения и истины», а лекции по истории философии в американских университетах стали базой для написания им настоящей книги («История западной философии», Нью-Йорк, 1945), которая поль-

зовалась огромным успехом в интеллектуальных кругах как Нового, так и Старого Света.

В годы Второй мировой войны пацифизм британского мыслителя пошел на убыль, но не исчез, что не раз приводило к его столкновениям с проводниками официальной точки зрения на происходящее.

В 1944 г. Рассел вернулся в Англию, где, спустя четыре года, издал еще одно фундаментальное сочинение — «Человеческое знание: его сфера и границы». В 1950 г. философ получил Нобелевскую премию по литературе, в частности за прочувствованную и красивую книгу «Брак и семья». Все тексты Рассела отличались высокими литературными достоинствами, вкусом, уважением к читателю. В этом смысле «защитник разума и прав» с честью продолжил традицию английского и французского Просвещения. Особенно ценна с этой точки зрения трехтомная «Автобиография» Рассела, созданная им в конце шестидесятых годов.

Что касается политических взглядов философа, то в пятидесятые годы они испытали резкую метаморфозу. Рассел решил выступить на страже свободы западного мира и даже призывал США к ядерному шантажу по отношению к Советскому Союзу. В это время он придерживался строго «атлантических» взглядов. Впрочем, роман с государством в форме американского ли или предсказываемого философом мирового правительства у Рассела длился недолго. Анархо-либеральное прошлое взяло свое, и в середине пятидесятых годов философ одумался. Борьбу за мир при помощи американской военной бомбы он сменил на старый пацифизм, выступив с протестом против испытания американцами водородного оружия, и призывал ко всеобщему разоружению. Рассел стал родоначальником многих общественно-политических инициатив международного характера. В 1960 г. он даже призывал британскую общественность к актам гражданского неповиновения, и чета Расселов участвовала в демонстрациях. За эти призывы философ попал в тюрьму во второй раз, правда теперь всего лишь на неделю.

В 1960-е гг. Рассел клеймил правительство США за войну во Вьетнаме, попутно откликаясь на все злободневные политические события и трудясь над научными проектами и своей огромной «Автобиографией». Его титаническая работоспособность и неуемная энергия просто поражают: за свою жизнь он написал свыше пятидесяти книг, не считая множества статей и заметок.

Умер Бертран Рассел 2 февраля 1970 г. на девяносто восьмом году жизни.

«История западной философии» Рассела принадлежит к жанру, который стал одним из центральных в философской литературе XIX–XX столетий. Определяющее воздействие на его формирова-

ние оказали две немецкие «Истории»: «Лекции по истории философии» Гегеля и «Греческая философия в ее историческом развитии» Эдуарда Целлера. Обе они исповедовали своеобразную «философскую идеологию» новейшего времени, но в различных редакциях. Если для Гегеля определенные философские школы являлись логически выверенными и последовательными манифестациями Абсолютной Идеи, насколько она выступает в истории человеческого духа, то Целлер, отстаивая точку зрения «объективизма», делал упор на критике источников и стремился идти не от общего (идеи истории) к частному (отдельным школам и персоналиям), а от частного к общему. Так или иначе, оба названных мыслителя исходили из представления о единстве исторического процесса, внутри которого подспудно присутствует прогресс знаний, методов мышления, свободы духа.

Несмотря на то что в своей философии логического анализа Рассел принципиально воздерживался от признания за дескрипциями статуса обобщений, в «Истории философии» он остался верен идеологии, о которой мы только что говорили. Для того чтобы организовать материал, автор использует очевидное (но нарушающее плюрализм его собственного философского метода) представление о *развитии* философского дискурса. Оно не доминирует настолько, насколько это имеет место у Гегеля, но именно это представление выступает естественным фоном всего, что говорит Рассел. И это тем более показательным, что Рассел, вопреки *континентальному* типу философствования, базировавшемуся на рационализме Декарта, Спинозы, Лейбница, ищет такой способ организации исторического материала, который свойствен *островной* мысли, впитавшей традицию английского эмпиризма (Бэкон, Локк) и скептицизма (Юм).

Более всего автора «Истории западной философии», конечно, интересуют логические идеи. Он пытается подать историю философии сквозь призму развития техники описаний, не отказывая себе порой в удовольствии показать, насколько самые знаменитые философские теории несвободны от логических противоречий, вызванных отсутствием понимания природы аргументации и роли языка (в настоящем томе, например, Рассел привлекает свой логический атомизм для анализа теории идей Платона). Однако история философии, написанная «отъявленным логиком», была бы, наверное, либо крайне специфическим, либо очень скучным текстом. Рассела же занимает история мысли не только с точки зрения того, как в ней функционировали логицистские идеи.

Бертран Рассел всегда оставался просветителем. История философии для него — это не столько история науки, сколько история просвещения. Античная философия, о которой идет речь в первой

книге, для него является уникальным примером развития свободомыслия, освобождения от пут суеверия и традиций, мешающих развитию духа. Можно высказать упрек: вопреки влиятельной и вполне объективной немецкой школе антиковедения, отстаивавшей специфику античного мировосприятия, его принципиальную несводимость к образу современного мышления, Рассел явно модернизирует античных мыслителей, обнаруживая у них проблематику, свойственную скорее его старинным друзьям — Муру или Уайтхеду.

Вторая книга «Истории западной философии» Рассела посвящена средневековой мысли. Выделение этого значительного массива в истории европейской интеллектуальной культуры вполне логично: вплоть до XV в. мы можем говорить о господстве примерно единого типа мышления, теоцентричного по своей сути.

Несмотря на тот факт, что философия в Средние века формально уступила свое место догматическому богословию и экзегезе Писания, в рамках теологического дискурса возникает целый ряд тем, которые унаследует новоевропейская мысль.

Во-первых, это проблема языка, его природы, границ, способов применения. Истолкование Писания вынуждало уже первых христианских богословов ставить перед собой вопросы, которые оказываются родственными современной лингвистической философии: от взаимосвязи грамматики и логики до темы языковой среды как знаковой системы.

Во-вторых — проблема универсалий. Вопрос о том, каким статусом обладают признаки общего понятия (род, вид и т. д.), ставили еще неоплатоники. Но лишь в эпоху Высокой Схоластики он приобретает столь важное значение, что до настоящего времени средневековых мыслителей подразделяют на лагеря именно по способу ответа на него («номиналисты», «реалисты», «концептуалисты»), Несомненно, что реалисты, признававшие актуальное бытие универсалий и моделировавшие на этой основе различные доказательства бытия Божия, являются своеобразными предтечами рационалистической мысли XVII–XVIII вв. В то же время номиналисты, с их убеждением, что универсалии выступают либо условными формами, в которых человек вынужден обобщать изменчивую реальность, либо же своего рода прирожденными способностями человеческой природы, имеющими отношение только к ней и ни к чему иному, могут претендовать, что они создали предпосылки для «островной» философии, то есть для английского эмпиризма.

В-третьих, средневековая логика. Можно сказать, что Аристотель стал Аристотелем как отцом формальной логики именно в эпоху Средних веков. Вместе с развитием логики, появлением различных новых полей исследований, как и в случае языка, возникал вопрос

о ее применимости. И здесь так же друг другу противостояли тенденции понимать логику как методику оценки правильности суждения (без анализа истинности его содержания) и как дисциплину, кардинальным образом связанную с «коренными вопросами бытия», то есть имеющую метафизический характер. Именно последнее понимание логики побудило, например, Рамона Луллия создать первую «логическую машину».

В-четвертых, помимо развития логики происходило развитие математики, причем уже средневековая культура поднималась до постановки вопроса о единстве предметных областей этих дисциплин. Напомним, что тот же самый вопрос был существен и для Рассела.

Наконец, в-пятых, можно указать проблему трансцендентального. Пределные понятия, обсуждавшиеся средневековой метафизикой (заимствованные, конечно, из философии Платона и Аристотеля), — единое, беспредельное, благо и т. д. — мыслились как «трансценденталии», то есть такого рода понятия, которые сами не могут быть предметом интеллектуального рассмотрения или логического определения, однако выступают условиями любого размышления и логического вывода. Тема «трансценденталий» окажется крайне важной для новоевропейской философской традиции.

Мы намеренно упускаем проблемы «вечной философии», унаследованные мыслью XVII–XIX вв. (вопросы о субстанции, субъекте, причинности, об идеальном и т. д.), обращая внимание читателя именно на те темы, которые должны бы были наиболее подробно рассматриваться Бертраном Расселом — по причине его собственных научных интересов и характера исповедуемой им философии «логического атомизма».

Между тем читатель увидит, что Рассел касается всего перечисленного достаточно кратко. Больше внимание он уделяет, например, истории теократии, отношения Церкви и власти германских императоров — то есть вопросам церковной истории и христианской идеологии. Связано это, видимо, с тем, что Рассел в настоящей книге выступает как публицист-либерал, относящийся к религии как общественному явлению однозначно отрицательно. Для Рассела Средние века подспудно оставались «потерянным временем», его своевольная и анархическая натура не могла смириться с самой идеей контроля над разумом при помощи церковной или схоластической дисциплины.

Приходится признать, что доля истории метафизики в настоящей книге значительно меньше, чем в предыдущей, и оттого целостность восприятия читателем средневековой культуры страдает. Зато перед нами прекрасный, яркий образец критического восприятия средневековой идеологии, бурный протест против условностей, которые могли бы препятствовать прогрессу человеческого ума.

Философия Возрождения, Нового и Новейшего времени является темой заключительной книги «Истории Западной философии» Бертрана Рассела. Пожалуй, именно здесь в наибольшей степени проявился талант Рассела как историка философии и популяризатора истории мысли. Рассматриваемая эпоха была близка ему и по кругу философских вопросов, поставленных ею, и по той причине, что именно в Новое время начинается формирование политических идеологий, воспринимавшихся Расселом как близкие или как враждебные.

Интересно присмотреться к кругу авторов, которых Рассел считал достойными своего внимания. Достаточно быстро «пробегаая» эпоху Возрождения и Реформации, он более подробно останавливается на XVII–XVIII вв. Именно в это время происходит формирование рационализма и эмпиризма как двух основных течений новоевропейской мысли. Очень важно то, что Рассел прекрасно понимает внутреннее, далеко не очевидное единство этих направлений — и в стиле философствования, и в подчеркнутом интересе к теории познания и к структуре познающего субъекта. Однако в отличие от «историй философии», появляющихся в последние десятилетия и испытавших на себе явное влияние Хайдеггера, он не рассматривает всю новоевропейскую мысль как «позицию представления», то есть не ограничивает ее проблематику явной или неосознанной антропологией. Академическая школа, с которой Рассел неоднократно порывал, но так никогда окончательно и не разошелся, заставляла его обращать пристальное внимание на то, что сами философы считали наиболее важной для себя проблемой.

Рассел полагает, что для Декарта, Спинозы, Локка, Беркли и других таковой стала проблема познания, в которой он особое внимание уделяет критерию оценки истинности или ложности наших познавательных операций. С этой точки зрения многие его оценки безупречны — в том числе и с точки зрения той педагогической и просветительской цели, которую он перед собой ставил. Рассел обладал завидным даром подавать самые сложные вещи просто и ясно, не привлекая, подобно средневековым схоластам (или современным авторам), для прояснения одного запутанного текста другой, не менее запутанный. «Мыслью — существую» Декарта, критика идеи субстанции в эмпиризме, социальная философия Локка, апории, вытекающие из кантовского анализа восприятия, — все это изложено понятно и для студента, которому предстоит сдать зачет по философии, и для человека, обращающегося к истории мысли в ее самых глубинных измерениях. Конечно, Рассел порой не отказывает себе в удовольствии сделать эту ясность ироничной, добавить в нее оттенок превосходства над точкой зрения, которую он считал устаревшей или в корне неправильной.

Отношение Рассела к излагаемым им системам мысли меняется после того, как он переходит к моральной философии XVIII в. и к немецкой классике. И первая, и вторая подаются им с немалыми купюрами (особенно в этом смысле «не повезло» Шеллингу, Фихте, многим французским просветителям). Последнее можно было бы объяснить недостатком времени; напомним, что основой настоящего издания стал курс лекций, читавшийся Бертраном Расселом в США. Однако, как в случае книги по средневековой философии, Рассел начинает оценивать не только метафизические системы, но и идеологии, которые, по его мнению, этими системами создавались. Согласно Расселу, в XIX–XX вв. намечаются несколько философско-идеологических «программ». С одной стороны — позитивизм, являющийся своего рода интервенцией научного мировоззрения в культуру и общественное сознание. Позитивизм — реальность, с которой и Рассел был знаком не понаслышке (его воззрения порой напрямую сравнивали с неопозитивизмом), да и современный человек встречается с подобным мышлением более чем часто.

С другой стороны — философия жизни, этот бурный протест против любой устойчивой системы ценностей, полагающий, что человек сам есть творец собственной природы, что он является преизобильным и неуютнейшим существом одновременно. Трагическое величие героев Ницше для Рассела все-таки скорее соблазн, чем откровение.

В-третьих — марксизм, через период интереса к которому Рассел уже давно прошел, а потому не видел в этом виде «экономического материализма» особых философских глубин, расценивая сочинения Маркса и Энгельса как по преимуществу политэкономические работы. Впрочем, марксизм для Рассела является учением, которое четко выбрало податливые точки человеческой природы и именно поэтому являлось (в эпоху написания данной книги) процветающей идеологией.

Подчеркнуто корректно Рассел относился к прагматизму, что было вызвано по крайней мере внутренним родством этого течения с английской («островной») философской традицией, а также тем фактом, что Рассел читал лекции в Америке, родине этой философии, к сожалению до сих пор изучаемой у нас лишь крайне поверхностно. Между тем прагматизм предложил свой, совсем не тривиальный вариант решения занимавшей Рассела проблемы отношения между философией и идеологией.

Наконец, достаточно кратко Рассел касается собственного метафизического выбора, говоря о философии логического анализа. Мы видим, что из «Истории западной философии» фактически выпали многие влиятельные «континентальные» течения — неокантиан-

ство, феноменология, экзистенциализм. Впрочем, автор, избравший для изложения именно эти школы, кардинально отличался бы от Рассела своим мировоззрением и к тому же должен был бы преподавать историю мысли не в Америке конца тридцатых — середины сороковых годов, когда «континентальная» философия вольно или невольно ассоциировалась с Германией (со всеми вытекающими отсюда выводами).

В заключение вновь хотелось бы отметить расселовскую манеру изложения. Он не помещает философию в царство чистых идей, не выдумывает некую внутреннюю оправданность смены одной логической системы другой. Философия в его книгах связана с эпохой, из которой она вырастает; политические и социальные условия, по мнению Рассела, помогают лучше понять философские предпочтения тех, о ком он пишет, чем изучение школьных традиций или неких присущих культуре в целом «стилей».

